

СЕЛЕЗНЕВ Павел Сергеевич –

*к.полит.н., директор по международному сотрудничеству Финансового университета при Правительстве РФ, 125993, Россия, г. Москва, ГСП-3, Ленинградский просп., 49
sps@fa.ru; seleznevpavel@gmail.com.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ ИННОВАЦИЙ: ВЫБОР ЗАПАДА И ВЫБОР ВОСТОКА

POLITICAL IDEOLOGY OF INNOVATIONS: THE CHOICE OF THE WEST AND THE CHOICE OF THE EAST

В статье ставится вопрос о выработке политической идеологии инновационного проекта России, который в настоящее время пробуксовывает и не дает ожидаемого эффекта. С этой целью автор анализирует различные западные и восточные варианты инновационного развития, в частности идейно-мировоззренческую базу, предопределившую их специфику. Также в статье исследуется совместимость зарубежных практик с реалиями и политической культурой современного российского общества.

Автор приходит к выводу, что мотивации инновационного развития могут существенно отличаться, причем как в плане замысла, так и методов реализации. В частности, на Западе в большей степени делается ставка на обеспечение гедонистических запросов общества потребления, а на Востоке преобладают устремления обеспечения стабильности и конкурентоспособности государств. Что же касается России, то она, относясь к евразийскому цивилизационному типу, выбирает третий путь.

Ключевые слова: инновации, модернизация, конкуренция, либеральная демократия, социальный гедонизм, глобальное лидерство, авторитаризм, обеспечение стабильности

The paper raises the question of development of the political ideology of Russian innovative project which does not work nowadays and does not give the desired effect. Hence, the author examines various Western and Eastern innovative development scenarios, in particular, the ideological and philosophical base, which predetermined their specificity. Also the compatibility of foreign practices with reality and political culture of contemporary Russian society is studied in the article. The author comes to the conclusion that the incentives for the innovative development may differ significantly, both in terms of the way they are designed and the way they are implemented. In particular, the West increasingly bets on providing hedonistic inquiries of consumer society; while in the East the ideas of stability and competitiveness of states are prevailing. As for Russia, it chooses its own third way being a country of the Eurasian civilization type.

Keywords: innovation, modernization, competition, liberal democracy, social hedonism, global leadership, authoritarianism, securing stability

В настоящий момент в российском обществе ведутся активные дискуссии относительно того, какой путь политико-экономической модернизации требуется стране для обеспечения конкурентоспособности на современном этапе мирового развития. Для преодоления сырьевого характера российской экономики и государственности предлагаются и проекты неоиндустриализации, и варианты, связанные с развитием транспортных артерий, и формирование на базе России международного финансового центра. Однако при этом в стране существует общенациональный запрос на инновационный путь развития, который сможет выступить не только в качестве тактического, поддерживающего проекта,

но и гарантирует нашей стране политико-экономический прорыв на мировой Олимп. И общество, и элита едины в стремлении вывести РФ на уровень самых развитых и передовых государств мира.

Изменение количественных и качественных параметров жизни человечества на рубеже 1990–2000-х гг. фактически поставило ведущие страны мира перед выбором: или они проводят модернизацию инновационного плана, или теряют место в глобальной высшей лиге.

При этом основным инициатором преобразований в России по традиции выступило государство, обозначив в целом основные направления инновационных реформ, выделив солидное финансирование и создав необходимую инфраструктуру

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-02-00357а

туру (ОЭЗ, госкорпорации, технопарки, бизнес-инкубаторы, Агентство стратегических инициатив и пр.). Процесс инновационного развития страны в пилотном режиме был запущен еще в 2005 г., когда появилась первая госкорпорация — Агентство по страхованию вкладов, а с 2008 г. он приобрел статус едва ли не национальной идеи. Так, например, в рамках своей президентской предвыборной кампании Д.А. Медведев обозначил политику «четырех И», одной из которых и значились инновации¹.

Однако инновационный механизм пока так и не заработал². Конечно, для этого есть весьма веские объективные и субъективные причины. В значительной мере такого рода трудности связаны с выбором идеологии и политических ориентиров российского варианта инновационного развития. А именно они чаще всего определяют специфику национальной модели инновационной модернизации. Для того чтобы определиться с инновационной идеологией, важно проанализировать мировой опыт аналогичных реформаторских проектов, отметив, с одной стороны, их сильные и слабые стороны, а с другой — оценив адаптивность к отечественным политическим и социально-экономическим реалиям.

Инновационная модель стран Запада (США и Европы):

политические и экономические смыслы

Заявка на реализацию инновационного проекта является, прежде всего, политическим выбором руководства тех стран, которые стремятся принять реальное участие в международной конкуренции, обозначить амбиции регионального или глобального лидерства. Долгое время считалось, что монополиям на прогресс и интенсивный путь развития обладают лишь те страны, которые придерживаются «правильного», либерально-демократического курса в политике и рыночных приоритетов в экономике.

Концепт прогресса и опережающего развития заложен в самих основах западной цивилизации. Политическая культура ведущих стран Запада изначально исходила из постулирования необходимости

обеспечения наиболее комфортного существования человека в земной жизни даже в те времена, когда в мире господствовала религиозная парадигма, а церковь являлась мощной политической силой.

Такого рода подход во многом лег в основу многолетней политики Запада по обеспечению опережающего характера развития и достижения глобального лидерства. Более того, из подобного мироощущения вытекает и концепция прогрессивной, цивилизаторской миссии Запада в его взаимоотношениях с внешней средой, иными цивилизационными мирами. При этом признается только линейная версия исторического прогресса, базирующаяся, прежде всего, на идеях передового политического, экономического и технологического развития. Соответственно, все остальные основания прогрессивности (духовные, культурные и пр.) либо выносятся за скобки и считаются вторичными, либо отвергаются в принципе. Соответственно, за незападными странами и народами признается лишь право на догоняющее развитие, причем по пути, проторенному ведущими странами Запада, и лишь по уже утвержденным последним лекалам. Первоначальный экономический снобизм Запада стал постепенно дополняться также идеями политического прогресса, и здесь опять же он претендовал на глобальное лидерство и статус законодателя мод. Все остальные варианты политического развития признавались девиантными и неистинными.

Тем не менее начало XXI в. поставило под сомнение такие выводы.

Во-первых, выяснилось, что либерально-демократический путь развития не является универсальным и таит в себе существенные риски, особенно для западных стран-реципиентов.

Во-вторых, глобальный финансово-экономический кризис 2008–2010 гг. поставил под сомнение и универсальность либеральных рыночных основ современного Запада, и базовые принципы капитализма (такие, как конкуренция, свободный рынок, невмешательство государства в экономику и пр.). Более того, не исключено, что мы стоим перед лицом начала нового этапа кризиса западной экономической модели, вплоть до начала новой Великой депрессии³, что с еще большей

¹ *Известия*. 2008. 18 февраля.

² *Город 812*. Доступ: <http://www.online812.ru/2012/03/28/001/>

³ <http://blogs.ft.com/the-a-list/2011/09/29/how-to-stop-a-second-great-depression/?Authorised=false>

остротой ставит вопрос о поиске адекватной замены устаревшим догмам Запада.

В то же время утрата однозначного лидерства в мире ставит под сомнение основы всей западной цивилизации и ведет к резкому обострению противоречий в США и Евросоюзе, особенно с учетом того, что во многом именно стратегия прогресса позволяет поддерживать стабильность в данных субъектах и обеспечивать консолидацию общества вокруг власти.

Так, для населения *Соединенных Штатов* принципиальным является глобальное политическое, военное и экономическое лидерство своей страны. В теории данные настроения были отражены в 1990-х гг. известным американским политологом, бывшим исполнительным директором (с 1985 по 1991 г.) Ассоциации за объединение демократий А. Страусом в его концепции униполярности [Страус 1997: 78-91]. Он считает: «Со времени распада советского полюса биполярного мира международная система является униполярной. Налицо фактически существующий “униполь”. Он состоит из демократических индустриальных стран, которые обладают превосходящим весом в глобальной системе. Соединенные Штаты, в свою очередь, являются ведущей державой внутри униполя» [Страус 1997: 78].

В настоящий момент в США государственная поддержка работ технологической направленности подчинена задаче обеспечения международной конкурентоспособности на рынке технологий. Малому и среднему инновационному бизнесу особое внимание не уделяется, а основные инструменты научно-технической политики сводятся к следующему. Это:

1) государственная экспертиза инновационных проектов с целью оценки возможных эффектов в общеэкономическом масштабе;

2) активное участие государства в финансировании крупномасштабных проектов (300–500 млн долл. США) вплоть до полного государственного финансирования наиболее эффективных и наукоемких исследований;

3) стимулирование создания венчурных фондов путем частичного или полного финансирования в течение первых лет наиболее эффективных исследовательских центров и венчурных фирм;

4) усиление антимонопольных мер по

отношению к фирмам, препятствующим конкуренции в наукоемких отраслях.

Европейский инновационный проект при всех национальных особенностях его реализации в разных странах имеет одну общую составляющую. Инновации здесь служат, прежде всего, для сглаживания политических и социальных противоречий, а также для обеспечения эффективного контроля над обществом со стороны власти через косвенные механизмы (в частности, через реализацию социально ориентированного курса). Более того, инновационное развитие является в настоящий момент главным гарантом процветания общества потребления, сложившегося в ведущих государствах ЕС. Лишь оно позволяет рассчитывать на то, что постоянно растущие потребности и запросы граждан получат необходимую подпитку и адекватное выражение. Таким образом, без инновационного рывка оказалась бы под вопросом политическая стабильность в европейских странах, общество оказалось бы в ситуации раскола и постоянных конфликтов, а власть потеряла бы рычаги воздействия на политическую и экономическую ситуацию. Отсюда проистекает повышенное внимание к реализации инновационной стратегии в базовых странах ЕС.

В странах Западной Европы и других развитых государствах, несмотря на существующие проблемы, научно-технический прогресс, учитывающий множество факторов, привел к возникновению постиндустриального общества, характерными чертами которого являются: соблюдение законов, открытость экономики, соблюдение экологических норм, высокий уровень информатизации общества, перманентное повышение качества жизни и стремление к здоровому образу жизни, защита интересов каждого человека, гражданская солидарность личности. При этом развитие науки также ставится в ряд основных ценностей в масштабе всей страны [Проблемы и перспективы... 2007: 59].

В отличие от США и других стран, территориально обособленных от прочих государств (Великобритании, Японии), страны Европейского союза примыкают друг к другу и изначально вынуждены тесно сотрудничать. Кроме того, они отличаются небольшими размерами занимаемых территорий, незначительными сырьевыми ресурсами и ограниченными бюджетами,

не позволяющими осуществлять крупномасштабные проекты за государственный счет. Все это заставило правительства двигаться по пути максимальной оптимизации научно-технического потенциала и укрепления взаимовыгодного сотрудничества с соседями. И хотя страны ставят перед собой различные цели (например, для Франции приоритетным является создание дополнительных рабочих мест, а для Германии – развитие прогрессивных технологий), методы инновационной политики весьма схожи, а эффективность их применения, по оценкам европейских экспертов, примерно одинакова.

Современные западные инновационные практики: синтез универсального и национального

Последние десятилетия поставили под вопрос либеральную трактовку понятия инновационности и механизмов ее обеспечения. Помимо уже указанных выше кризисных явлений, все активнее становятся претензии (причем подкрепленные соответствующими инновационными достижениями) стран третьего мира на участие в «прогрессивной» повестке дня современности. Причем это касается тех государств, которые совсем недавно уверенно принадлежали к мировой периферии и даже гипотетически не рассматривались в качестве конкурентов глобальных лидеров – США и Европы. И хотя их выбор в пользу инновационности развития является преимущественно политическим, однако их мотивации могут существенно различаться.

Так, некоторым из неофитов переход на инновационные рельсы представляется единственным шансом опередить в ужесточившейся международной конкуренции своих статусных оппонентов. Характерным примером является *Китай*, который в конце XX в. совершил инновационный рывок и в настоящий момент по военно-политической и экономической мощи уже опередил Евросоюз и наступает на пятки Соединенным Штатам¹.

Хотя КНР не скрывает своих претензий на глобальное лидерство и ведет активную работу по продвижению своих национальных интересов практически во всех регионах мира, инновационный проект

дает Пекину возможность не просто наращивать международный вес и ресурсный потенциал, но и самым позитивным образом презентировать незападным странам привлекательность модели достижения успеха на основе сохранения традиций, причем без кардинальной ломки сложившейся политической и экономической системы.

Немаловажным являлся и вопрос о стратегии и идеологии инновационного развития КНР. В результате долгих дискуссий китайской элите удалось достичь консенсуса относительно руководящего курса, с одной стороны, позволяющего проводить реформы, с другой – сохраняющего незыблемость базовых основ государства и общества. Так появилась концепция нового авторитаризма, или неоавторитаризма (синьцюаньвэйчжуи). Главный смысл ее заключался в том, что рыночные отношения в экономике и политическая демократия должны вызревать в стране постепенно, под кураторством сильной и жесткой власти, ориентированной на реализацию модернизационного пути. Сторонники такого подхода настаивали на том, что новый авторитаризм принципиально отличается от прежнего. Старый авторитаризм, с их точки зрения, – это режим, функционирующий в рамках замкнутых циклов, где сильная власть постепенно подрывается и взламывается растущими противоречиями в экономике и обществе, за которыми следуют беспорядки и хаос, подавляемые, в свою очередь, новой сильной властью, и т.д. А неоавторитаризм ставит своей целью не сохранение статус кво, а динамичное развитие общества.

Еще одна мотивация инновационности связана со стремлением ряда стран обеспечить внутреннюю социальную политическую стабильность, прежде всего за счет преодоления хронической нищеты большинства населения. В частности, это касается *Бразилии*, *Индии* и *Малайзии*, где инновационные проекты в основном имеют социальную направленность, хотя это не исключает также их одновременных претензий на достижение регионального лидерства и участия в глобальных альянсах, альтернативных Западу (БРИКС).

Для некоторых стран инновационная модернизация становится ныне залогом выживания и успеха в региональной кон-

¹ http://www.innit.ru/files/presentation/innovations/China_model_innovation_development_-03June2009.pdf

курентной среде. Например, это касается *Южной Кореи и Сингапура*. По мнению ряда аналитиков, в XXI в. основным законодателем политической и социально-экономической моды постепенно станет АТР. Но уже сейчас в данном регионе ведутся ожесточенные конкурентные войны. И в этих условиях самоутвердиться и, более того, одержать верх над противниками может позволить только инновационный скачок. В полной мере это продемонстрировал Сингапур, где форсированная модернизация позволила резко повысить статус страны и обеспечить ей весомые экономические и политические позиции в АТР. Что же касается Южной Кореи, то здесь фактор региональной конкуренции дополняется проблемой конкуренции политических систем. С 1953 г. Республика Корея находится в состоянии «холодной войны» с КНДР, и ее руководству для мобилизации поддержки населения требуется регулярно демонстрировать достижения и обеспечивать перманентное повышение жизненного уровня своих граждан.

Особо стоит подчеркнуть, что указанные выше модели незападной инновационной модернизации в своем большинстве реализуются в рамках либо недемократических (авторитарных), либо ограниченно демократических политических режимов. При этом в качестве двигателя прогресса чаще всего здесь выступает не частный бизнес, как в западных странах, а государственная власть, которая является как заказчиком, так и контролером подобных реформаций. Особенно это касается КНР, Сингапура и Южной Кореи, в меньшей степени – Индии и Бразилии.

Одновременно привлекательным моментом инновационной альтернативы

с точки зрения населения и руководства указанных государств является то обстоятельство, что модернизация здесь не предполагает отказ от национальных традиций и подгонки под западные «стандарты качества». А как показывает практика, жесткое следование американским и европейским приоритетам далеко не всегда обеспечивает странам «отраженной модернизации» политические и социально-экономические прорывы (единственным исключением из данного правила является разве что Япония, хотя и здесь весьма существенно влияние национального характера). Более того, такая зависимость от иностранного влияния зачастую ставит адаптируемые страны в подчиненное положение по отношению к «кураторам» и практически исключает возможность выбора ими самостоятельного пути развития.

Что же касается *России*, то, судя по всему, ее путь – срединный. С одной стороны, руководство РФ при реализации инновационной модели ориентировано на европейский и американский опыт с их ставкой на высокие технологии и креативный класс, с другой – в условиях инновационного торможения вполне востребованными являются директивные, а иногда и авторитарные методы проведения в жизнь соответствующих реформ. Цель же инновационного обновления России совпадает с целями таких разных стран, как США и КНР, – борьба за глобальное лидерство. При этом, сделав ставку на инновационное обновление, российская элита стремится быть привлекательной, прежде всего, для государств постсоветского пространства с целью их дальнейшей политико-экономической консолидации под своей эгидой.

Литература

Проблемы и перспективы технологического обновления российской экономики: коллективная монография (отв. ред. В.В. Ивантер, Н.И. Комков). 2007. М.: МАКС Пресс, 738 с.

Страус А.Л. 1997. Униполярность. Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России. – *Политические исследования*, № 2. С. 78-91.